

Эрих
ФРОММ

Забытый
язык

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм
Забывтый язык

«Издательство АСТ»

1951

УДК 159.963
ББК 88.6

Фромм Э.

Забытый язык / Э. Фромм — «Издательство АСТ»,
1951 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-101275-5

Сновидения – особая, бесплотная форма нашего бытия. Сколько раз, просыпаясь, мы пытались разгадать увиденный сон и сколько раз пытались забыть его, напуганные кошмаром. Фрейд, Юнг и множество других психоаналитиков посвящали снам серьезнейшие научные труды. Эрих Фромм, один из величайших «философов от психологии», выдвигает собственную, совершенно оригинальную теорию сновидений и методику их толкования. Согласно его теории, сновидения – это своеобразная «память предков», универсальный язык символов, сохранившийся в нашей памяти с глубокой древности, язык, единый для всех культур и народов на протяжении всей истории человечества, изучив который мы сможем глубже познать самое себя и друг друга. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.963

ББК 88.6

ISBN 978-5-17-101275-5

© Фромм Э., 1951
© Издательство АСТ, 1951

Содержание

Предисловие	6
I	7
II	10
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эрих Фромм

ЗАБЫТЫЙ ЯЗЫК

Erich Fromm

THE FORGOTTEN LANGUAGE

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm and of Annis Fromm и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

© Erich Fromm, 1951

© Перевод. А. Александрова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму.
Талмуд

Сон снимает одежды обстоятельств, вооружает нас пугающей свободой, и всякое желание спешит обернуться действием. Опытный человек читает свои сны, чтобы познать себя; возможно, он понимает их и не до конца, но улавливает суть.
Эмерсон

Предисловие

Эта книга основана на лекциях, которые я прочел как вводный курс для студентов и аспирантов Института психиатрии Уильяма А. Уайта и колледжа Беннингтона. Книга адресована изучающим психиатрию и психологию и всем, интересующимся этими предметами. Как показывает подзаголовок, эта книга является введением в науку понимания символического языка и по этой причине не касается многих более сложных проблем данной области, обсуждение которых не соответствовало бы целям введения. Таким образом, например, теорию Фрейда я обсуждаю только на уровне его «Толкования сновидений», а не в свете более трудных концепций, которые он развивал в своих поздних работах; не пытаюсь я обсуждать и те аспекты символического языка, которые, хотя и необходимы для полного понимания рассматриваемых проблем, предполагают более общую информацию, чем содержащаяся на этих страницах. Этих проблем я планирую коснуться позднее, во втором томе. Термин «понимание» сновидений и т. д. был намеренно выбран вместо более общепринятого «интерпретация». Если, как я постараюсь показать на следующих страницах, символический язык является самостоятельным языком – в действительности единственным универсальным языком, который когда-либо создавала человеческая раса, – то проблема понимания не сводится к интерпретации, как если бы это был искусственно разработанный секретный код. Я полагаю, что такое понимание важно для любого человека, желающего понимать самого себя, а не только для психотерапевта, намеревающегося лечить психические отклонения; поэтому я считаю, что символический язык следовало бы преподавать в школах и колледжах точно так же, как другие «иностранные языки». Одна из целей этой книги – внести вклад в реализацию данной идеи.

Я признателен д-ру Эдварду С. Тауберу, прочитавшему рукопись, за полезные критику и предложения.

Я хочу поблагодарить д-ра Рут Аншен, издателя книги «Семья, ее роль и функции», и издательство Harper Brothers за разрешение использовать в настоящей книге мою статью «Миф об Эдипе и эдипов комплекс».

Кроме того, благодарю издателей, любезно позволивших воспользоваться отрывками из следующих публикаций: «Государство» Платона в переводе Б. Джоэтта, «Эдип в Колоне» и «Антигона» Софокла в переводе Р. К. Джебба, «Основные работы Зигмунда Фрейда» в переводе и под редакцией А. А. Брилла, «Мир сновидений» Р. Л. Вуда (Random House, N.Y.); «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда (Allen & Unwin, London); «Summa Theologica» Фомы Аквинского в переводе Отцов английской доминиканской митрополии (Burns, Oates & Washbourne, Ltd., London, and Benziger Brothers, N.Y.); «Сны духовидца» Канта в переводе Э. Ф. Горвитца (The Macmillan Company, N.Y.); «Лекции и биографические наброски» Ральфа Уолдо Эмерсона (Houghton Mifflin Company, Boston); «Федон» Платона в переводе Б. Джоэтта (Classics Club, W. J. Black, N.Y.); «Труды Аристотеля» в переводе и под редакцией У. Д. Россса (Oxford Clarendon Press); «О природе вещей» Лукреция в переводе У. Х. Д. Роуза (Harvard University Press, Cambridge); «Психология и религия» К. Г. Юнга (Yale University Press, New Haven); «Сновидения» Генри Бергсона в переводе Э. Э. Слоссона (B. W. Huebsch); «Процесс» Франца Кафки в переводе Э. И. Муира (Alfred A. Knopf, N.Y.).

Эрих Фромм, 1951 г.

I

Введение

Если верно, что способность удивляться есть начало мудрости, то эта истина – печальная оценка мудрости современного человека. Каковы бы ни были высокие достоинства нашего литературного и общего образования, мы утратили дар удивления. Считается, что все известно – если не нам самим, то какому-нибудь специалисту, обязанность которого знать то, что неизвестно нам. Действительно, проявление удивления смущает – это признак интеллектуальной неполноценности. Даже дети редко удивляются или по крайней мере стараются удивления не показывать; по мере того как мы взрослеем, мы постепенно теряем способность удивляться. Самым важным кажется получить правильные ответы; задавать правильные вопросы по сравнению с этим несущественно.

Такая установка, возможно, является причиной того, что один из самых загадочных феноменов в нашей жизни – сновидения – вызывают так мало удивления и вопросов. Все мы видим сны; своих снов мы не понимаем, но тем не менее действуем так, как будто в нашем спящем разуме нет ничего странного – странного по крайней мере по сравнению с логичными и целенаправленными действиями нашего ума, когда мы бодрствуем, – не происходит. Когда мы бодрствуем, мы активные, рациональные существа, стремящиеся получить то, чего мы хотим, и защититься от нападения. Мы действуем и мы наблюдаем, мы видим вещи вне нас, может быть, не такими, каковы они на самом деле, но по крайней мере так, что мы можем их использовать и манипулировать ими. Однако мы не особенно наделены воображением и редко – если мы не дети и не поэты – наше воображение выходит за пределы тех историй и сюжетов, которые являются частью нашего повседневного существования. Мы успешны, но довольно скучны. Мы называем то, что ежедневно наблюдаем, «реальностью» и гордимся своим «реализмом» и тем, как умело им манипулируем. Когда же мы спим, мы оказываемся в другой форме существования. Мы видим сны. Мы изобретаем события, которые никогда не случались, и иногда такие, которые не имеют никаких прецедентов в действительности. Иногда мы бываем героями, иногда злодеями, иногда видим прекрасные сцены и бываем счастливы, а иногда впадаем в ужас. Однако какую бы роль мы ни играли во сне, мы – его авторы, это наш сон, мы создали его сюжет. Большинство наших сновидений имеют одну общую характеристику: они не следуют законам логики, которые управляют нашими мыслями в бодрствующем состоянии. Категории пространства и времени не имеют значения. Умерших мы видим живыми; события, которые мы наблюдаем как имеющие место в настоящем, случились много лет назад. Нам снятся два одновременно происходящих события, когда в действительности произойти одновременно они не могли бы. Столь же мало внимания мы обращаем на законы пространства. Мы запросто перемещаемся в какое-то удаленное место в мгновение ока, оказываемся в двух местах одновременно, смешиваем двух разных людей в одного или наблюдаем, как неожиданно один человек превратился в другого. Действительно, в своих снах мы создатели мира, в котором время и пространство, ограничивающие действия нашего тела, не имеют силы. Другая странность сновидений заключается в том, что во сне мы думаем о событиях и людях, о которых не думали многие годы и кого в бодрствующем состоянии никогда не вспомнили бы. Во сне они неожиданно оказываются знакомцами, о которых мы много раз думали. В спящем состоянии мы получаем доступ к огромным источникам опыта и памяти, о существовании которых в дневное время не подозреваем. Однако, несмотря на все эти странности, наши сны, пока мы их видим, для нас реальны так же, как любые события, происходящие во время бодрствования. В сновидении не бывает «как будто». Сон – это настолько настоящее, реальное переживание, что возникают два вопроса: что есть реальность? Откуда мы знаем, что снящееся нам нереально, а

то, что мы испытываем наяву, реально? Это точно выразил китайский поэт: «Прошлой ночью мне снилось, что я – бабочка, и теперь я не знаю, человек ли я, которому приснилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она – человек». Все эти волнующие, яркие события ночи не только исчезают, когда мы просыпаемся, но мы испытываем огромные трудности, пытаясь вызвать их в памяти. Большинство снов мы просто забываем настолько, что даже не можем вспомнить о том, что жили в этом другом мире. Что-то мы смутно помним в момент пробуждения, но уже в следующую секунду ничего не можем вспомнить. Некоторые сновидения мы запоминаем, и именно их имеем в виду, когда говорим: «Мне был сон». Бывает похоже на то, что какие-то духи – то ли дружественные, то ли враждебные – посетили нас, а с приходом дня неожиданно исчезли; мы едва помним, что они приходили, как и то, насколько полностью мы были ими захвачены.

Возможно, самым загадочным из всех перечисленных факторов является сходство продукта нашего творчества во сне со старейшими созданиями человека – мифами. На самом деле мифы не так уж нас озадачивают. Если они становятся уважаемой частью нашей религии, они получают наше признание, хотя и поверхностное, как часть уважаемой традиции; если они не обладают таким традиционным авторитетом, мы воспринимаем их как выражение незрелого мышления человека, еще не просвещенного наукой. В любом случае – игнорируем мы их, презираем или уважаем – мифы воспринимаются как нечто, совершенно чуждое нашему собственному мышлению. Тем не менее факт остается фактом: многие наши сновидения и по стилю, и по содержанию похожи на мифы, и мы, находя их странными и далекими от жизни, когда мы бодрствуем, обладаем способностью создавать эти подобные мифам творения во сне.

В мифе тоже происходят драматические события, невозможные в мире, где правят законы времени и пространства: герой покидает свой дом и свою родину, чтобы спасти мир, или бежит от своей миссии и живет в животе огромной рыбы, умирает и возрождается; скакочная птица сгорает и восстает из пепла еще прекраснее, чем была.

Конечно, разные народы создавали разные мифы точно так же, как разные люди видят разные сны. Однако, несмотря на все эти различия, все мифы и все сны имеют одну общую черту: все они «написаны» на одном и том же языке – языке символическом.

Мифы вавилонян, индийцев, египтян, евреев, греков написаны на том же языке, что и мифы ашанти или трук. Сны человека, сегодня живущего в Нью-Йорке или в Париже, такие же, как сны, о которых сообщали люди, жившие тысячи лет назад в Афинах или Иерусалиме.

Сновидения древнего и современного человека написаны на одинаковом языке с мифами, авторы которых жили на заре истории. Символический язык – это язык, на котором внутренние события, чувства и мысли выражаются так, словно они – чувственный опыт, события внешнего мира. Это язык, имеющий логику, отличную от привычной, которой мы пользуемся в дневное время, логику, в которой правят не время и пространство, а интенсивность и ассоциации. Это единственный универсальный язык, когда-либо созданный человеческой расой, один и тот же для всех культур на протяжении истории. Это язык с собственной грамматикой и синтаксисом, язык, который нужно понимать, если хочешь понять значение мифов, сказок и сновидений.

Однако современным человеком этот язык забыт – не когда он спит, а когда бодрствует. Важно ли понимать этот язык в бодрствующем состоянии? У людей прошлого, принадлежавших к великим культурам как Востока, так и Запада, этот вопрос не вызывал сомнений. Для них мифы и сновидения были самыми важными порождениями разума, и неспособность понимать их приравнивалась к неграмотности. Только в последние несколько столетий в западной культуре эта установка изменилась. В лучшем случае мифы стали считаться наивными плодами донаучного мышления, созданными задолго до того, как человек совершил великие открытия относительно природы и узнал некоторые секреты того, как над нею властвовать.

Снам пришлось еще хуже. На современный просвещенный взгляд, они просто бессмысленны, недостойны внимания взрослого человека, занятого таким важным делом, как создание машин, считающего себя «реалистом», потому что он не видит ничего, кроме реальности вещей, которыми можно повелевать и манипулировать. У такого реалиста есть специальное название для каждой марки автомобиля, но только одно – для понятия «любовь», которым выражаются самые разные виды привязанности.

Более того, если бы все наши сны были приятными фантазмагориями, в которых сбывались бы сокровенные желания наших сердец, мы могли бы относиться к ним более благосклонно. Однако многие сновидения вызывают беспокойство, часто оказываются кошмарами, и, просыпаясь, мы с благодарностью отмечаем, что это нам только снилось. Другие сны, хотя и не являются кошмарами, смущают нас по другим причинам. Они не соответствуют той личности, которой мы считаем себя в дневное время. Нам снится, что мы ненавидим людей, которые нам нравятся, или что любим тех, кем, как мы считаем, мы не интересуемся. Нам снится, что мы амбициозны, хотя мы уверены в своей скромности, во сне мы послушны и покорны, когда так гордимся своей независимостью. Однако хуже всего тот факт, что мы не понимаем своих снов, хотя во время бодрствования уверены, что способны понять все, о чем думаем. Мы предпочитаем обвинить сновидения в бессмысленности, чем столкнуться с таким исчерпывающим доказательством ограниченности нашего понимания.

Полная перемена отношения к мифам и сновидениям произошла в последние десятилетия. В значительной мере это было связано с работами Фрейда. Начав с ограниченной цели – помочь страдающему неврозом понять причины своей болезни, Фрейд перешел к изучению сновидений как универсального феномена, одинаково присущего и больным, и здоровым людям. Он обнаружил, что сны по сути не отличаются от мифов и сказок и что понять язык одних – значит понять и язык других.

Антропологи сосредоточили на мифах большее внимание. Мифы стали собирать и изучать, и некоторые первопроходцы в этой области, такие как И. Я. Бахофен, сумели пролить новый свет на предысторию человечества.

Однако изучение мифов и сновидений еще только начато. Оно страдает от различного рода ограничений. Одним из них является определенный догматизм и негибкость, ставшие результатом претензий различных психоаналитических школ: каждая из них настаивает на том, что она единственная обладает истинным пониманием символического языка. Так мы теряем многогранность символического языка и пытаемся уложить его на прокрустово ложе одного и только одного возможного значения.

Другим ограничением служит представление о том, что только психиатр при лечении страдающих неврозами имеет законное право на интерпретацию сновидений. Я, напротив, полагаю, что символический язык – тот иностранный язык, который все мы должны изучать. Понимание его позволяет соприкоснуться с одним из самых значимых источников мудрости, мудрости мифа, и проникнуть в более глубокие слои нашей собственной личности. На самом деле это помогает попасть на уровень специфически человеческого опыта, потому что такой уровень является общим для всего человечества как по содержанию, так и по форме.

В Талмуде говорится: «Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму». Действительно, и сны, и мифы – важные послания от нас нам самим. Если мы не понимаем языка, на котором они написаны, мы теряем огромную часть того, что знаем и говорим себе в те часы, когда не заняты манипулированием внешним миром.

II

Природа символического языка

Предположим, вы хотите объяснить кому-то разницу во вкусе белого и красного вина. Это может представляться вам совсем простым делом. Вы очень хорошо знаете эту разницу, так почему бы вам с легкостью не объяснить ее кому-то другому? Однако вы встретитесь с огромной трудностью, пытаясь выразить словами разницу во вкусе. Возможно, вы в конце концов скажете: «Послушайте, я не могу вам это объяснить. Просто выпейте красного вина, а потом белого, и вы узнаете, в чем разница». Вы с легкостью объясните устройство самой сложной машины, и все же слова окажутся бессильны описать простое вкусовое ощущение.

Не сталкиваемся ли мы с такой трудностью каждый раз, когда пытаемся описать чувственный опыт? Представьте себе, что вы ощущаете себя потерянным, брошенным, мир кажется вам серым, немного пугающим, хотя на самом деле не опасным. Вы хотите описать свое настроение другу, но обнаруживаете, что подыскиваете слова и в конце концов чувствуете: ничто из сказанного вами не передает адекватно многих оттенков вашего настроения. На следующую ночь вам снится сон. Вы видите себя перед рассветом на окраине города, улицы пусты, за исключением фургона молочника, дома выглядят убогими, окружение вам незнакомо; здесь нет привычных средств передвижения, чтобы попасть в знакомые места, где, как вы чувствуете, вам место. Когда вы просыпаетесь и вспоминаете сон, вы понимаете, что чувство, испытанное вами во сне, в точности такое же ощущение одиночества и уныния, которое вы пытались накануне описать другу. Это всего одна картина, которая предстала перед вами меньше чем на секунду, и все же она – более живое и точное описание, чем вы могли бы дать, долго говоря о ней. Картина, которую вы увидели во сне, есть *символ* того, что вы чувствовали.

Что такое символ? Часто символ определяют как «нечто, обозначающее что-то другое». Такое определение несколько разочаровывает, но делается более интересным, если мы рассмотрим те символы, которые являются сенсорными выражениями увиденного, услышанного, обоняемого, чувствуемого на ощупь – обозначают «что-то другое», представляющее собой внутренний опыт, чувство или мысль. Символ такого рода есть нечто внешнее, символизирующее что-то внутри нас. Символический язык – это язык, с помощью которого мы выражаем внутренний опыт, как если бы он был сенсорным ощущением, как если бы это было нечто, что мы делаем или что делают с нами в мире предметов. Язык символов – это язык, в котором внешний мир становится символом мира внутреннего, символом наших душ и умов.

Если мы определяем символ как «нечто, обозначающее что-то другое», главным вопросом становится следующий: *какова специфическая связь между символом и тем, что он символизирует?*

Отвечая на этот вопрос, мы можем различить три вида символов: условные, случайные и универсальные. Как вскоре станет ясно, только два последних выражают внутренний опыт, как если бы он был чувственным ощущением, и только они содержат элементы символического языка.

Из трех видов символов лучше всего известен *условный*, поскольку мы пользуемся им в повседневной жизни. Если мы видим или слышим слово «стол», буквы С-Т-О-Л не обозначают что-то другое. Они обозначают предмет «стол», который мы видим, трогаем и используем. Какова связь между *словом* «стол» и *предметом* «стол»? Есть ли между ними какая-то внутренняя связь? Предмет «стол» не имеет никакого отношения к звуку слова «стол», и единственная причина того, что слово символизирует предмет, есть условность: данный конкретный предмет обозначают этим конкретным названием. Такую связь мы узнаем в детстве благодаря повторяющемуся опыту: слышим слово применительно к предмету, пока не сформи-

руется длительная ассоциация, в результате которой нам не нужно задумываться, чтобы найти правильное слово.

Существуют, впрочем, некоторые слова, в отношении которых связь имеет не только условный характер. Когда мы говорим «фу», например, мы делаем движение губами, быстро выдыхая воздух. Это выражение отвращения, в котором участвуют губы. Быстрым выдыханием воздуха мы имитируем и таким образом выражаем намерение избавиться от чего-то, выбросить из себя. В этом случае, как и в некоторых других, символ имеет внутреннюю связь с чувством, которое он символизирует. Но даже если мы предположим, что изначально многие или даже все слова возникли по причине какой-то внутренней связи между символом и тем, что он символизирует, большинство слов теперь уже не имеют такого значения, когда мы учимся языку.

Слова – не единственная иллюстрация условных символов, хотя они наиболее распространены и лучше всего известны. Изображения тоже могут быть условными символами. Флаг, например, может принадлежать определенной стране, хотя никакой связи между страной и конкретными цветами нет. Они были приняты для обозначения этой страны, и мы переводим визуальное впечатление от флага в концепцию страны – опять же условно. Некоторые символы-изображения являются не вполне условными, как, например, крест. Крест может быть просто условным символом христианской церкви и в этом отношении ничем не отличается от флага, но в специфическом контексте обстоятельств смерти Иисуса или при интерпретации физического и духовного планов связь между символом и тем, что он символизирует, выходит за пределы всего лишь условности.

Прямо противоположен условному символу символ *случайный*, хотя у них есть и общее: внутренней связи между символом и тем, что он символизирует, нет. Предположим, что с человеком случилось неприятное происшествие в каком-то городе; когда он слышит название этого города, он легко свяжет его с грустным настроением, так же как мог бы связать с радостным настроением, будь происшествие приятным. Очевидно, что в природе города нет ничего печального или радостного. Именно личный опыт, связанный с городом, делает его символом настроения.

Та же реакция может возникнуть в отношении дома, улицы, конкретного платья, определенного пейзажа или любого предмета, который однажды был связан со специфическим настроением. Мы могли бы увидеть сон о том, что находимся в некоем городе. На деле никакого особого настроения с этим сновидением могло бы и не быть связано: все, что мы видели, – улица или даже просто название города. Мы спрашиваем себя, почему во сне нам случилось подумать об этом городе, и можем обнаружить, что мы уснули в настроении, схожим с тем, которое город символизирует. Картина, увиденная в сновидении, представляет его, а город обозначает настроение, когда-то в нем испытанное. Здесь связь между символом и пережитым опытом совершенно случайна.

В отличие от условного, случайный символ не может оказаться общим у нас с кем-то еще, если только мы не пересказываем события, с символом связанные. По этой причине случайные символы редко используются в мифах, сказках или трудах, написанных символическим языком, потому что они не передаются другим языком, если только автор не добавляет посторонний комментарий к каждому используемому символу. В снах, однако, случайные символы встречаются часто, и позднее в этой книге я объясню, как их понимать.

Универсальный символ – это такой, в котором существует внутренняя связь между символом и тем, что он олицетворяет.

Мы уже приводили один пример – городских окраин. Сенсорное ощущение безлюдного, незнакомого, бедного окружения, безусловно, имеет значимую связь с тревожным настроением, чувством одиночества. Конечно, если мы никогда не бывали на окраинах города, мы не могли бы использовать этот образ как символ, так же как слово «стол» было бы для нас бес-

смысленным, если мы никогда не видели стола. Символ города понятен только для горожан и был бы бессмысленным для представителей культуры, не имеющей крупных городов. Впрочем, многие другие универсальные символы коренятся в опыте любого человеческого существа. Возьмем, например, символ огня. Нас завораживают некоторые свойства огня в очаге – в первую очередь его живость. Он постоянно меняется, движется и все же обладает постоянством. Огонь все время меняется, оставаясь при этом тем же. Огонь оставляет впечатление силы, энергии, грации и легкости. Кажется, что он танцует, обладая неистощимым источником энергии. Когда мы используем огонь как символ, мы описываем внутреннее ощущение, характеризующееся теми же элементами, которые замечаем при чувственном восприятии огня: настроение энергичности, легкости, подвижности, грациозности, радости; иногда преобладает один, иногда – другой из этих элементов.

Сходным в одних отношениях и непохожим в других является символ воды – океана или потока. Здесь тоже обнаруживается сплетение изменчивости и постоянства, вечного движения и неизменности. Мы также обнаруживаем качества живости, непрерывности и энергичности. Однако есть и различия: там, где огонь полон духа приключения, скорости, возбуждения, вода спокойна, медленна и устойчива. Огонь содержит элемент неожиданности, вода – предсказуемости. Вода символизирует живое настроение, но более «тяжелое», «медленное» и скорее утешительное, чем возбуждающее.

То, что феномен физического мира может быть адекватным выражением внутреннего опыта, что мир вещей может быть символом мира мыслей, неудивительно. Мы все знаем, что наше тело выражает наш разум. Кровь кидается в голову, когда мы в ярости, отливает, когда мы боимся, сердца бьются быстрее, когда мы сердимся; тонус тела, когда мы счастливы, отличается от него, когда мы печальны. Мы показываем свои настроения выражением лица, а свое отношение и чувства – движениями и жестами настолько точно, что окружающие судят о них правильнее, чем по нашим словам. Воистину тело – символ разума, и это не аллегория. Глубокое искреннее чувство и даже любая важная мысль выражаются всем нашим организмом. В случае универсального символа мы обнаруживаем такую же связь между психическим и физическим опытом. Определенные физические феномены по самой своей природе наводят на мысль о некоторых эмоциональных и психических переживаниях, и мы выражаем чувственный опыт на языке физических явлений, т. е. символически.

Универсальный символ – единственный, в котором связь между символом и тем, что он символизирует, не случайна, а содержательна. Ее основанием служит ощущение близости между эмоцией или мыслью, с одной стороны, и чувственным опытом – с другой. Такой символ может быть назван универсальным потому, что он воспринимается однозначно всеми людьми в противоположность не только случайному, который по самой своей природе носит исключительно личный характер, но и условному, восприятие которого ограничено группой людей, разделяющих одну и ту же условность. Универсальный символ коренится в свойствах нашего тела, наших чувств, нашего разума, которые являются общими для всех людей и, таким образом, не ограничены принадлежностью отдельному индивиду или группе людей. Действительно, язык, на котором говорит универсальный символ, – общее наречие, созданное человеческой расой, которое было забыто прежде, чем успело развиваться в универсальный общепринятый язык.

Нет нужды говорить о расовом наследии, чтобы объяснить универсальный характер символов. Каждое человеческое существо, разделяющее с остальным родом человеческим основные качества ума и тела, способно говорить на символическом языке, основанном на этих общих свойствах, и понимать его. Точно так же нам не нужно учиться плакать, когда нам грустно, или краснеть, когда мы сердимся, – эти реакции свойственны не только какой-то части человечества. Свидетельства этого могут быть найдены в том факте, что символический язык в том виде, в каком он используется в мифах и сновидениях, может быть обнаружен и в так называемых примитивных, и в высокоразвитых культурах Египта и Греции. Более того, символы,

используемые представителями этих различных культур, поразительно сходны, поскольку все они уходят корнями в древность, в базовый чувственный и эмоциональный опыт, разделяемый людьми всех культур. Дополнительные свидетельства этого дают недавние эксперименты, в которых люди, не имеющие познаний в теории интерпретации сновидений, были способны под действием гипноза с легкостью понимать символизм своих снов. После выхода из гипнотического состояния, когда их просили истолковать те же сны, они удивленно говорили: «Ну, в них нет никакого смысла – это просто ерунда».

Впрочем, сказанное нуждается в уточнении. Значение некоторых символов меняется применительно к реальным обстоятельствам различных культур. Например, функция и соответственно значение солнца в северных и в тропических странах различаются. В северных странах, где воды много, вся растительность зависит от интенсивности солнечного сияния. Солнце – это тепло, оберегающая и любящая сила, оно дарит жизнь. На Ближнем Востоке, где солнечный жар гораздо сильнее, солнце – опасная, даже угрожающая сила, от которой человек должен защищаться, в то время как вода воспринимается как источник всей жизни и главное условие произрастания растений. Мы можем говорить о диалектах универсального символического языка, определяющихся теми различиями в природных условиях, которые заставляют некоторые символы иметь разное значение в разных регионах земли.

Совершенно иначе, в отличие от этих «символических диалектов», следует понимать тот факт, что многие символы имеют не единственное значение в соответствии с разными видами опыта, связанного с одним и тем же природным феноменом. Давайте снова рассмотрим символ «огонь». Если мы смотрим на огонь в очаге, являющийся источником удовольствия и комфорта, ему соответствует ощущение радости жизни, тепла, уюта. Однако если мы видим горящий дом или лесной пожар, это зрелище вызывает чувство угрозы, ужаса, бессилия человека перед природной стихией. Огонь, таким образом, может быть символическим олицетворением жизнерадостности и счастья, но и страха, бессилия или собственных деструктивных тенденций человека. То же верно и для символа «вода». Вода может быть страшной разрушительной силой в шторм или когда река выходит из берегов. Следовательно, вода может быть символическим выражением как ужаса и хаоса, так и комфорта и покоя.

Другой иллюстрацией этого принципа является символ «долина». Лежащая между горами долина может вызвать у нас чувство безопасности и комфорта, защищенности от всех опасностей окружающего мира. Однако защищающие долину горы могут означать и изоляцию, не позволяя нам выбраться из долины; тем самым она делается символом заточения. Конкретное значение символа в каждом данном месте может быть определено только из всего контекста, в котором он появляется, и в терминах преобладающего опыта индивида, употребляющего символ. Мы вернемся к этому вопросу при обсуждении символизма сновидений.

Хорошей иллюстрацией функции универсального символа служит сюжет, записанный на символическом языке, известный почти каждому представителю западной культуры: Книга Ионы. Иона услышал голос Бога, повелевший ему отправиться в Ниневию и проповедовать ее жителям отказ от греховной жизни: иначе они будут уничтожены. Иона не может не слышать голос Бога: ведь он пророк. Однако он не хочет быть пророком, и зная, что ему следует делать, пытается уклониться от выполнения приказа Бога (или, могли бы мы сказать, голоса собственной совести). Ему безразличны другие люди. Он почитает закон и порядок, но лишен любви¹.

Как эта история выражает внутренние процессы в душе Ионы? Нам сообщается, что Иона отправился в Иоппию и нашел корабль, который доставил бы его в Фарсис. В открытом море поднялся шторм, и пока все остальные ужасались и стонали, Иона спустился в трюм и впал в глубокий сон. Матросы, решив, что Бог, должно быть, послал бурю, потому что кого-то на корабле следует наказать, разбудили Иону, и тот признался, что он пытался уклониться от

¹ См. обсуждение истории Ионы в книге Э. Фромма «Человек для себя», где вопрос рассматривается с точки зрения любви.

выполнения веления Бога. Он предлагает матросам схватить его и бросить за борт: море тогда успокоится. Матросы (проявив замечательное человеколюбие, пробуют сделать для спасения все что могут, прежде чем последовать его совету) в конце концов хватают Иону и бросают в море, которое немедленно успокаивается. Иону проглатывает кит, и Иона остается в его чреве три дня и три ночи. Он молит Бога освободить его из этой темницы. Бог заставляет кита извергнуть Иону на сушу, и Иона отправляется в Ниневию, выполняет веление Бога и тем самым спасает жителей города.

История рассказана так, как будто события действительно произошли. Однако она написана на символическом языке, и все описанные реалистические события есть символы внутреннего опыта героя. Мы обнаруживаем последовательность идущих один за другим символов: Иона садится на корабль, прячется в трюме, впадает в сон, оказывается в открытом море, попадает в чрево кита. Все эти символы обозначают внутренний опыт: состояние защищенности и изоляции, благополучное избавление от общения с другими людьми; то же могло бы быть выражено другим символом: младенец во чреве матери. Как ни различны и ни реалистичны трюм, глубокий сон, океан, чрево кита, они олицетворяют одно и то же внутреннее ощущение: смесь защищенности и уединения.

События происходят в очевидной последовательности в пространстве и времени: *сначала* Иона садится на корабль, *затем* спускается в трюм, *затем* засыпает, *затем* его бросают в море, *затем* его глотает кит. Одно событие следует за другим, и, хотя некоторые из них явно нереалистичны, история обладает собственной логикой в терминах пространства и времени. Однако, если мы поймем, что автор намеревался рассказать нам не о последовательности внешних событий, а о внутренних переживаниях человека, который разрывается между укорами совести и стремлением заглушить внутренний голос, становится ясно, что его разные действия, следующие одно за другим, выражают одно и то же его настроение и что *временная последовательность* показывает *растущую интенсивность чувства*. В попытке избежать своих обязанностей перед ближними Иона все больше себя изолирует – до тех пор, пока в чреве кита защитный элемент настолько уступает страху перед темницей, что Иона больше не может терпеть и вынужден молить Бога об освобождении из узилища, в которое он сам себя заточил. (Это тот самый механизм, который так характерен для невроза. Установка принимается как защита от опасности, но затем она выходит далеко за пределы своей изначальной защитной функции и превращается в невротический симптом, от которого человек пытается избавиться.) Так бегство Ионы в защитную изоляцию кончается ужасом перед заточением, и он возвращается в ту точку, откуда началось его бегство.

Существует еще одно различие между логикой явного изложения и логикой скрытой истории. В первом случае имеет место причинно-следственная связь между внешними событиями. Иона стремится уплыть за море, *потому что* желает бежать от Бога; засыпает, *потому что* устал; его кидают за борт, *потому что* считают причиной бури, и его проглатывает кит, *потому что* в море плавают киты-людоеды. Одно событие происходит потому, что произошло предыдущее. (Заключительная часть истории нереалистична, но не лишена логики.) Однако в скрытой истории логика иная. Различные происшествя связаны друг с другом в силу своей ассоциации с одним и тем же внутренним переживанием. Что представляется случайной последовательностью внешних событий, олицетворяет связь ощущений, соединенных друг с другом по ассоциации в терминах внутреннего опыта. Это так же логично, как и сюжет явного изложения – однако логика тут другого сорта. Если теперь мы обратимся к исследованию природы сновидений, логика, управляющая символическим языком, станет более прозрачной.

III

Природа сновидений

Взгляды на сновидения сильно различались на протяжении столетий и в разных культурах. Однако верит ли человек, что это – реальный опыт нашей бестелесной души, покинувшей тело во время сна, считает ли, что сновидения посылаются Богом или злыми духами, видит ли в них отражение наших иррациональных страстей или, напротив, высочайших моральных сил, одна идея остается неизменной: сновидения полны значения и важны. Полны значения, потому что содержат послание, которое может быть понято, если иметь ключ для разгадки; важны, потому что нам не снится что-то пустячное, даже если язык послания скрывает его значимость за фасадом безделицы.

Только в последние столетия этот взгляд стал радикально меняться. Интерпретация сновидений была ранее приравнена к суевериям, и просвещенный, образованный человек, простой обыватель или ученый, стал считать, что сны бессмысленны и являются незначительными порождениями рассудка, в лучшем случае – психическим отражением телесных ощущений, испытываемых во сне.

Только Фрейд в начале XX столетия подтвердил древнюю концепцию: сны полны значения и важны; нам не снится ничего, что не было бы значимым отражением нашей внутренней жизни; все сновидения могут быть поняты при наличии ключа. Интерпретация сновидений – *via regia*², главная дорога к пониманию бессознательного и тем самым к самой сильной мотивирующей силе как патологического, так и нормального поведения. Помимо этих общих заключений о природе сновидений, Фрейд выразительно и непреклонно защищал одну из самых старых теорий: сон – исполнение иррациональных страстей, подавленных во время бодрствования.

Вместо представления взглядов Фрейда и старых теорий в данный момент я вернусь к ним в одной из следующих глав, а сейчас буду обсуждать сновидения – так, как я стал понимать их с помощью Фрейда и в результате собственного опыта человека, который видит и толкует сны.

Принимая во внимание тот факт, что не бывает выражения психической деятельности, которое не проявилось бы во сне, я полагаю, что единственным описанием природы сновидений, которое не искажало бы и не сужало феномен, является следующее: *сновидение есть полное значения и важное выражение любой психической деятельности в условиях сна*.

Несомненно, такое определение является слишком широким, чтобы оказать большую помощь в понимании природы снов, если только не определить более точно того, что мы понимаем под «в условиях сна» и под особым воздействием этого состояния на психическую деятельность. Если мы сможем выяснить это, возможно, удастся многое узнать о природе сновидений.

Физиологически сон – это состояние химической регенерации организма; энергия восстанавливается, пока никаких действий не совершается, и даже чувственное восприятие почти полностью отключено. Психологически сон приостанавливает основные функции, характеризующие состояние бодрствования: реагирование на реальность восприятия и действия. Это различие биологических функций во время сна и бодрствования на самом деле является различием двух состояний существования.

² Царская дорога (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.